

Михаил Владиславович Барро

**Ж. Мольер. Его жизнь и
литературная деятельность**

Михаил Владиславович Барро
Ж. Мольер. Его жизнь и
литературная деятельность
Серия «Жизнь замечательных людей»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175455

Аннотация

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Детство и годы учения	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Михаил Барро
Мольер. Его жизнь и
литературная деятельность

*Биографический очерк М. В. Барро
С портретом Мольера, гравированным в
Лейпциге Геданом*

Предисловие

Когда, после долгого перерыва, опять возник интерес к личности Мольера, его биографы натолкнулись на такие же трудности, как и биографы Шекспира. Они встречали то же отсутствие положительных данных, а взамен их груды легенд, взаимно уничтожающих друг друга рассказов, и еще чаще – целые периоды жизни великого человека, окутанные, по избитому выражению, непроглядным мраком неизвестности. Лишь величие писателя, сказывавшееся в каждой строке, оставленной им потомству, ободряло исследователей. Мы говорим о сочинениях Мольера; что же касается переписки, то от этого драгоценного для биографа материала до нас не дошло ничего. Тою же скудостью сведений веет и от свидетельств современников автора «Мизантропа».

Только спустя тридцать два года после смерти Мольера появилась его первая биография. Это было в 1705 году. В качестве биографа Мольера выступил тогда некто Гримаре, совершенно неизвестная личность, лишенная даже любви к истине, не говоря уже о стиле и вкусе, один из тех второстепенных тружеников, которые, по выражению Базена, берутся за все и портят все, за что берутся. Подобным же образом аттестовал биографию Гримаре и современник, близкий друг Мольера, Буало: Гримаре ничего не знает о жизни Мольера, он во всем ошибается, он не знает даже того, что известно

всем. Так оценивал Буало труд первого биографа Мольера, но сам не сделал ничего для сохранения потомству точных сведений о своем знаменитом друге; по другим данным, он хотел сделать, но встретил препятствие со стороны цензуры... Смерть косила между тем ближайших свидетелей жизни Мольера, и биографический апокриф Гримаре получал характер достоверного источника. Он выдержал несколько изданий, подвергся переделкам и, по-видимому, навсегда засорил дорогу более добросовестным исследователям.

Новая эпоха в изучении Мольера начинается с 1825 года. Благодаря трудам Беффара, Эйдора Сулье, Ташеро, Базена, Луазлера и многих других биографический мрак, сгущенный стараниями Гримаре и его компиляторов, постепенно начал рассеиваться, и образ великого комика явился наконец потомству во всей своей красноречивой яркости. Интерес произведений Мольера удвоился интересом его биографии. Темных мест в этой биографии осталось немало и до настоящего времени, и только новые принципы исследования уменьшили их значимость. Еще Лагранж, сотрудник Мольера по театру, первый издатель его сочинений (1682 г.) и летописец его труппы, указывал на то, что Мольер в своих произведениях часто рисует самого себя или своих современников и близких. Недостаток положительных данных об авторе «Мизантропа» заставил исследователей жизни и сочинений Мольера с особенным жаром наброситься на этот новый путь изучения его личности.

Едва ли не этим путем добыты самые яркие черты для характеристики Мольера... Писатель XVII века, по этим данным, он высоко поднимался над своими самыми благородными современниками и далеко оставлял их за собою. Вот почему и теперь, через двести с лишним лет после смерти Мольера, в его произведениях звучит для нас самый жгучий вопрос современной жизни, вопрос о свободе личности. Мольер, хотя он и не лирик, но больше чем кто-либо другой имел бы право сказать о своей деятельности:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу...

Правда, он нигде не говорит прямо об этой свободе, но писатель, наносивший жестокие удары лицемерам, устами Станареля осудивший Дон-Жуана, был первым вестником великого движения XVIII века... Его Альцест томится в тщетных поисках места, «где можно честным быть свободно» (пер. В. Курочкина). Для этого мизантропа честный человек – человек свободный и от вольных, и от невольных сделок с совестью. Он считает своим правом называть белое белым, черное черным... Пока не иссякнут такие благородные стремления, произведения Мольера не умрут.

Глава I. Детство и годы учения

Сказание о шотландце Поуклине. – Парижские Поклены. – «Павильон обезьян» и его владелец Жан Поклен. – Женидьба Поклена на Марии Крессе. – Первенец Пакленов Жан-Батист Поклен, впоследствии Мольер. – Характеры его отца и матери. – Детские впечатления: Новый Мост и площадь Дофина. Сен-Жерменская ярмарка. Поездки в Сент-Уан. – Отец Жана-Батиста – придворный обойщик. – Смерть Марии Крессе. – Катерина Флерет – вторая жена Поклена. Семейные раздоры, – Жан-Батист в Клермонской коллегии. Его товарищи и наставники. – Театральные представления в коллегии. – Жан-Батист – ученик Гассенди и юрист. – Путешествие его на юг Франции.

Кто были предки Мольера?... Довольно темная легенда повествует о том, что в рядах шотландского вспомогательного войска, сражавшегося против англичан вместе с французским войском Карла VII, находился молодой рыцарь по имени Поуклин. В битве при Фернейле, в 1424 году, большинство шотландцев было убито. Лишь немногие из них избегли смерти, и в числе этих спасшихся легенда называет того же Поуклина. Спустя значительное время Поуклин навсегда поселился во Франции и сделался родоначальником французской фамилии Покленов и знаменитого представителя ее

Мольера. Достоверна ли приведенная легенда? Едва ли. Во всем складе Мольера виден природный француз со всеми характерными особенностями этой нации; во всех своих произведениях, где с такою яркостью отражался его внутренний мир, в самые тяжелые минуты его жизни, в противоположность другим великим писателям, Мольер чужд вздохов по далекой родине, в данном случае Шотландии. Измученный борьбою с явными и тайными недоброжелателями, убитый семейным разладом, он говорит устами Мизантропа об удалении в пустыню, но Францию он все-таки называет при этом своим отечеством. Очевидно, у него была одна родина, и этой родиной была Франция. Есть еще другое, более веское опровержение сказания о шотландце Поуклине. Генеалогическое древо парижских Покленов было очень многоветвисто: они распались на несколько родов, быть может, вполне чуждых друг другу, на что намекает отчасти пестрое написание их фамилий. В XVII веке некоторые из Покленов занимали видные должности. Один из них был председателем парижского коммерческого суда, другой – доктором богословия и деканом парижского факультета, третий – директором индийской торговой компании. Потомки хотя бы и чужеземного рыцаря легко могли достигнуть в то время выдающегося положения; но трудно допустить, чтобы в такой короткий промежуток времени, от водворения Поуклина во Франции до рождения Мольера, хоть одна ветвь этого рода могла сделаться наследственными ремесленниками. А меж-

ду тем это было так... В 1620 году в одном из самых модных кварталов Парижа, на углу многолюдной, полной городско-го шума улицы Сент-Оноре и грязного переулка, превратившегося в улицу Соваль, стоял трехэтажный дом с причудливой эмблемой. Эта эмблема представляла собою высокий столб с резным изображением померанцевого дерева. Лишь на самой вершине его красовалась корона ветвей с плодами и цветами, а ниже, вдоль ствола, виднелись одни обрубки, цепляясь за которые, на дерево влезали семь обезьян. Три такие же обезьяны украшали и основание аллегорического столба. Подобные изображения были в большом ходу у ремесленников того времени, и описанный нами столб, вероятно, поставили по желанию человека, занимавшего нижний этаж дома на углу улицы Сент-Оноре, где помещалась лавка под вывеской «Pavillon des singes».

Здесь около 1620 года поселился Жан Поклен, по ремеслу так же, как его отец и братья, обойщик и декоратор. Внутренность жилища Поклена несколько не вязалась с вульгарною надписью вывески. Тут все было чинно, все говорило о трудовом, хотя и безбедном, существовании. Со стороны улицы находилась лавка с выставленными в ней для продажи мебелью, дорогими коврами и штофными материями, с различными принадлежностями обойного мастерства, наполнявшими также и другие комнаты. Рядом с лавкой была кухня, служившая и столовой, а наверху, на антресолях – спальня и еще одна небольшая комната. 27 апреля 1621 года

Жан Поклен женился на дочери зажиточного бюргера одного с ним цеха, Марии Крессе. В виде приданого он получил при этом около 2200 ливров, частью деньгами, частью вещами. Его собственное имущество выражалось почти такую же сумму, весьма значительную для того времени. 15 января 1622 года у Поклена родился сын. По имени отца его называли Жаном. Потом, один за другим, родилось еще пятеро: две дочери и три сына, и в их числе другой Жан. В отличие от него первенец Покленов был назван еще и Батистом. Жан-Батист Поклен и был бессмертным Мольером.

Как прошли его детские годы? Это второе темное место в его биографии. Имеющиеся об этом периоде скудные сведения, вместе с более или менее основательными догадками, дают, впрочем, возможность нарисовать вероятную картину жизни маленького Жана-Батиста. Отец его целыми днями был занят мастерскою и лавкой, не выпуская из рук инструментов или кусков материи. Некоторые утверждают, что он был узкий, ограниченный ремесленник, умственный горизонт которого не простирался дальше будничных, мелочных интересов. Но ничто не дает повода к такому заключению. Совсем иначе говорит большинство биографов о его жене. Ее отец присоединял к своей фамилии частичку *де*, а мать про исходила из рода Мазюэлей, представители которого отличались склонностью к музыке, а некоторые даже заслужили на этом поприще довольно почтенную известность. И частичка *де* отца Марии Крессе, и музыканты-родственники

ки со стороны матери – все это заставляет предполагать, что среда, окружавшая ее до замужества, в умственном отношении была выше среды Покленов. Действительно, с водворением ее в «Павильоне обезьян» в доме Поклена-отца появляются кое-какие книги, между прочим, Библия и Плутарх в изложении Амио. Мария Крессе была доброй и заботливой матерью. Она близко принимала к сердцу все, что касалось детей. Среди ее драгоценностей, браслетов, серег и колец был еще небольшой ковровый сундучок, где сохранялось белье, служившее ее детям во время крещения. Частые роды и заботы по хозяйству не позволяли ей, конечно, тщательно следить за развитием детей. Но она с избытком восполняла этот недостаток своими ласками, и жизнь маленького Жана текла, не возмущаемая никакими горестями.

Это был бойкий белокурый мальчик с ясными голубыми глазами. Когда ему надоело сидеть дома, он потихоньку, незаметно для родителей, выбирался на улицу, а оттуда к Новому Мосту и на площадь Дофина. Там, привлекая не одно детское любопытство и вызывая веселый смех, так называемые операторы под звуки музыки и песен продавали различные целебные средства. Табарен в карикатурном костюме ученого предлагал свои чудо действенные эликсиры, а у статуи Генриха IV Савояр и толстяк Фома рвали желающим зубы. Но еще гуще была толпа около марионеток Бриоше, у балаганов любимцев толпы – Тюрлюпена, Гаргиля и Горжю, надрывавших зрителям животики своими забавными фарса-

ми. Враги Мольера распространяли потом слухи, что он сам, намазав лицо сажей, принимал участие в этих представлениях. Это, конечно, ложь, внушенная чувством зависти и злобы; но нет никакого сомнения в том, что балаганные зрелища производили на ребенка сильное впечатление и способствовали, таким образом, развитию восприимчивости его к другим, более художественным, зрелищам.

Кроме лавки на углу улицы Сент-Оноре, Поклен-отец имел еще торговлю на Сен-Жерменской ярмарке, на бельевой и полотняной линии. Сен-Жерменская ярмарка была одной из древнейших во Франции и принадлежала почтенным отцам аббатства Св. Германа в окрестностях Парижа. В конце XVI века на этой ярмарке впервые появились странствующие актеры. Отцы-аббаты, громившие лицедеев в своих проповедях, легко примирились с выгодным соседством этих забавников и, беря с них дань, обязали лишь не играть по праздникам, воскресным дням и во время богослужений. Народ очень любил театральные зрелища, и слух о том, что на Сен-Жерменской ярмарке завелись странствующие актеры, привлекал туда толпы любопытных. Торговые дела приводили сюда и Поклена-отца. Он захватывал с собою и семью, по крайней мере, на день, на два. Скопление народа было громадное. «Сколько глаз, сколько ртов и носов!.. Сколько грязи навалит по сторонам зады, незнакомые с кальсонами!» Так, не стесняясь в выражениях и не боясь оскорбить ухо герцога Орлеанского, которому посвящалась поэ-

ма «Сен-Жерменская ярмарка», описывал эту ярмарку поэт Скаррон, современник Мольера. Центром внимания толпы были, конечно, балаганы, где исполнялись веселые фарсы, вроде комического путешествия в Конго. Сюда же тянуло и Жана-Батиста. Яркие впечатления площади Дофина опять воскресали в его уме, удваиваясь сен-жерменскими. В своих произведениях он часто вспоминал потом эти народные гулянья.

Кроме поездки в Сен-Жермен, Поклены каждое воскресенье отправлялись в окрестности Парижа, в Сент-Уан. На главной улице этой деревни стоял дом с многочисленными службами и большим садом. Владельцем его был отец Марии Крессе, дед Жана-Батиста, Луи де Крессе. У него-то и проводили Поклены воскресные досуги, наслаждаясь после пыльного парижского воздуха здоровым деревенским. Старик принимал их радушно. Им отведена была раз навсегда особая комната, где не были забыты ни игрушки для детей, ни пара розог, предназначенных для них же.

Дела Покленов шли хорошо, а через несколько лет после женитьбы владелец «Павильона обезьян» увеличил свои доходы, приобретя у одного из своих братьев прибыльную и в то же время не лишенную почета должность королевского обойщика и камердинера. Таких обойщиков было восемь. Они исполняли свои обязанности по двое и сменялись через три месяца. На их попечении лежал ремонт дворцовой мебели, а также заботы о декоративной стороне различных при-

дворных празднеств, процессий и прочего. Жалованья полагалось 300 ливров, не считая наградных. Очередь Поклена начиналась 1 апреля, но потом была перенесена на летние месяцы. Должность принадлежала не только тому, кто приобретал ее, но оставалась и за его наследниками: Поклен рассчитывал передать ее своему старшему сыну.

Среди возраставшего в доме Покленов достатка в 1632 году скончалась Мария Крессе. Она давно уже, что называется, «страдала грудью», и наконец эта болезнь свела ее в могилу. Жан-Батист, которому шел в это время одиннадцатый год, лишился, таким образом, забот любящей матери. Поклен-отец, быть может, в интересах семьи, схоронив первую жену, вступил во второй брак, но его выбор на этот раз оказался неудачным. Катерина Флерет, вторая жена его, была сварливая женщина и не замедлила изгнать из семьи Покленов покой и довольство, царившие там при Марии Крессе. Она не любила своих пасынков и падчериц и больше всего старшего, Жана-Батиста, в умных глазах которого видела осуждение мачехи и горячую любовь к покойной матери. Не здесь ли, в этой антипатии к мачехе, коренится начало того искусства, с которым изображал впоследствии Мольер разлад и неурядицы современной ему французской семьи? Вероятно, здесь, как здесь же зародилось, должно быть, и его охлаждение к отцу, а может быть, и первая мысль оскорбленного в своих чувствах ребенка – мысль о другой жизни, вдали от семьи...

Вскоре после кончины Марии Крессе изменилась и внешняя обстановка Покленов. Отец Жана-Батиста купил себе дом на площади большого рынка и переселился туда со всей семьей. Счастливое детство отступало для сына в прошлое, вместе с веселыми комнатами в «Павильоне обезьян»... Четырнадцать лет его отдали в Клермонскую коллегию.

Ремесленники и даже купцы и состоятельные бюргеры того времени не особенно заботились об образовании своих детей. Их учили читать, писать и немного арифметике; дальнейшее и более широкое образование могло лишь повредить ожидавшему их делу, ремеслу или торговле; так *наставлял* эту среду Савари, автор книги «*Le parfait négociant*»¹, и перед ним преклонялись. Отсюда естественно возникает для биографа вопрос: кому принадлежала мысль отдать Жана в Клермонскую коллегию, окунуть в этот кладезь мудрости, столь вредной в глазах Савари для торгового сословия? Некоторые думают, что инициатива в этом деле принадлежала Луи де Крессе, деду Жана-Батиста. Но добрый человек, по другим данным, умер гораздо раньше поступления Жана в коллегию. Не сам ли Поклен-отец решил этот вопрос? Он, может быть, мечтал о блестящей карьере для сына, подстрекаемый, кроме честолюбия, еще осознанием даровитости Жана и нерасположения его к наследственному ремеслу. Такие мечты невольно могли возникнуть у обойщика Его Величества, хотя бы издали познакомившегося с пре-

¹ «Совершенный negociant»

имуществами образованных людей... Как бы то ни было, сын этого обойщика, Жан-Батист Поклен поступил в коллегия, где обучались сыновья графов и прочих сливок французского общества. Клермонская коллегия, впоследствии, при Людовике XIV, – Коллегия Людовика Великого, принадлежала отцам-иезуитам. Здесь, «в стенах школы, – пишет А. Веселовский, – мальчика ожидало несколько новых и любопытных наблюдений. Из узкой семейной обстановки он разом перешел в шумную среду молодежи, где у него вскоре нашлось несколько близких товарищей. Вырвавшись из-под домашнего надзора, он очутился в не менее томительных сетях школьной дрессировки. Шесть-семь монахов-педагогов пытались обуздать шаловливость и горячие порывы школьников и заставить их преклоняться перед святыней науки. Но сами учителя были слишком смешными педантами, благоговевшими перед допотопными авторитетами и щеголявшими лишь риторической ловкостью в диспутах о вопросах не слишком жизненных и никому не нужных; а та богиня, которой они поклонялись, многомудрая „мать схоластика“ страдала такую же безнадежную анемию, как и ее жрецы. Научиться тут чему-нибудь было невозможно, и Поклен вынес из школы разве что некоторое знакомство с латинским языком, позволившее ему впоследствии переводить прямо с подлинника поэму Лукреция „О сущности вещей“. („Мольер – сатирик и человек“.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.